

З. ЗЕТРЕНГ, П. ЦАПФФЕ, А. НЕСС

НОРВЕЖСКАЯ ЭКОФИЛОСОФИЯ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 14
ББК 87
347

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Ислам Паштов.

Зетренг, З., Цапффе, П., Несс, А.

347 Норвежская экофилософия. — М.: Тотенбург, 2024. — 262 с.

В сборнике собраны статьи классиков норвежского экоактивизма: З. Зетренга, П. Цапффе и А. Несса. Ключевая тема — беспокойство за живую природу, чьей органической частью являются человеческие сообщества, перед наступлением индустриально-технической цивилизации роста и количества. Большое внимание уделено философскому осмыслению современности как враждебной естественности реальности. В том числе классики экофилософии не только делятся с читателем интеллектуальными концепциями, но и через актуальность необходимых преобразований и осмысление своего опыта побуждают к практическим акциям для защиты окружающей среды.

УДК 14
ББК 87

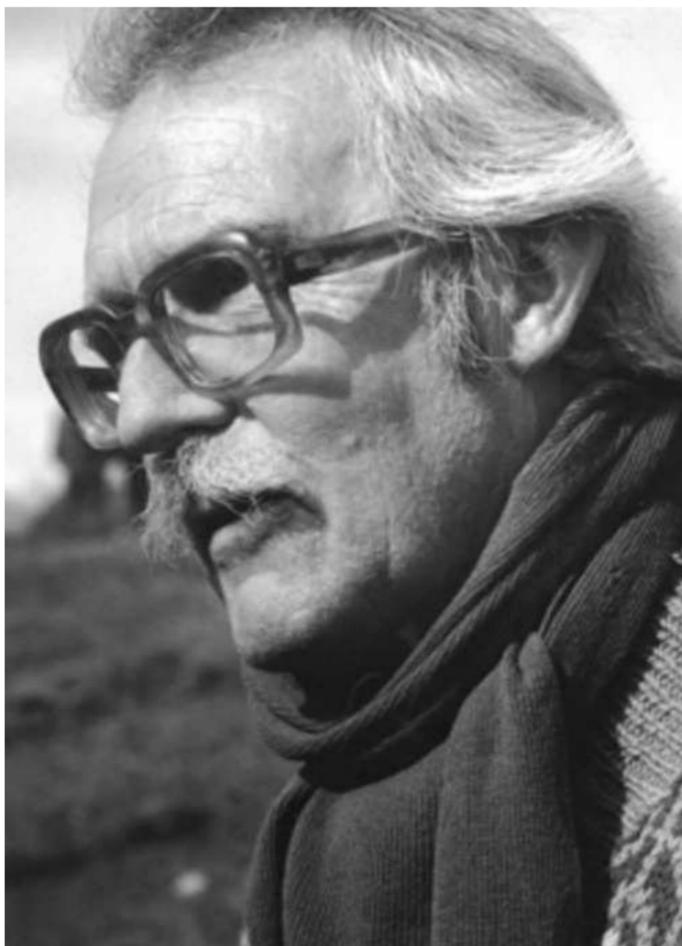
© Ислам Паштов,
перевод с английского, 2024
© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИГМУНД КВАЛОЙ ЗЕТРЕНГ	5
Биография	7
Эспен: классическая фигура норвежской экофилософии	15
Повесть о двух странах	23
Внутри природы	36
Сложность и время: остановить царство пирамиды	51
Гея против Сервоглобуса	94
ПЕТЕР ВЕССЕЛЬ ЦАПФФЕ	127
Биография	129
Прощай, Норвегия	137
Дорога	149
Прощание с Гаустой	154
Стетинд	156
АРНЕ НЕСС	163
Биография	165
Поверхностное и глубинное, долгосрочное движение за экологию: резюме	175
Самореализация в смешанных сообществах людей, медведей, овец и волков	185

Движение за глубинную экологию:	
некоторые философские аспекты	202
Сердце леса.....	238
Заметка об истоках и истории движения за глубинную экологию	242
Красивые поступки:	
их роль при экологическом кризисе	249

Зигмунд Квалой Зетренг

Биография

Зигмунд Квалой Зетренг родился в 1934 году в Тронхейме, но вырос в Ломе. Дом семьи находился недалеко от реки Бевра, где и зародилась его любовь к рекам и водопадам. Лето он проводил на ферме Сатеренг со своими дядями и бабушкой. В детстве мальчик часто бродил по горам Йотунхеймен вместе со своим отцом, и у него возникло почти религиозное восхищение их великолепными пейзажами. В то же время под руководством отца у него также развился интерес к музыке.

После окончания школы в 1955 году он получил образование и работал в норвежских ВВС, служил сержантом и авиамехаником в аэропорту Гардермуен. В свободное время читал Сартра, Кафку и Лао Цзы — развивался его интерес к философии.

В 1958 году он начал изучать философию в Университете Осло. Квалой Зетренг был сильно вдохновлен работами Петера Весселя Цапффе, Арне Несса и других. Под руководством Несса он получил степень магистра философии в 1966 году, защитив диссертацию под названием «Размышления о музыке и коммуникации» (*Musikk-kritikk og kommunikasjon*). Его вспомогательными предметами были математическая логика и политология. Музыка — особенно джаз — оставалась важным элементом на протяжении всей его жизни. Помимо учебы, он читал лекции по логике и истории философии как в Университете Осло, так и в нескольких городах на западном побережье Норвегии. Зигмунд Квалой Зетренг был также

высококвалифицированным рисовальщиком и проиллюстрировал несколько книг.

Молодой норвежский философ не хотел ограничивать себя изучением западной философии и ее специфических способов рассуждения. С течением времени он все больше и больше увлекался природой и защитой окружающей среды. Он чувствовал, что большая часть мышления современных философов остается слишком близкой к господствующему мировоззрению, которое царило в обществе индустриального роста.

В 1967 году Квалой Зетренг переехал в Нью-Йорк. Он получил пятилетнюю стипендию для получения докторской степени по философии. Встреча с мегаполисом, как оказалось, полностью изменила его воззрения. Для Зигмунда этот рукотворный символ человеческого величия и прогресса ощущался как встреча с чем-то по-настоящему враждебным человеку. Особенно его беспокоило воспитание детей в этих суровых городских условиях, которые сильно контрастировали с его собственным детством и воспитанием в сельской Норвегии.

Он решил вернуться на родину, где в течение четырех лет работал научным сотрудником на кафедре зоологии в Университете Осло. Здесь он продолжил развивать и углублять свое экологическое мышление. Его сотрудничество с биологом Иваром Мистерудом, среди прочего, способствовало добавлению более экологической перспективы в дискуссии об окружающей среде. Квалой Зетренг стал инициатором создания группы «Экофилософия». Ее отправной точкой стало отождествление себя со всем живым и стремление к справедливости «не только для людей, но и для животных, растений и минера-

лов». Постепенно сформировался внутренний круг преданных экологической проблематике экологов, в который входил и Арне Несс. Квалой Зетренг фактически стал ключевой фигурой в этой новой экофилософской группе.

Постепенно он пришел к пониманию необходимости разработки практической формы экополитики, отличной от псевдоэнвайронментализма как естественного следствия развиваемой им экофилософии. На него оказали влияние концепция биософии Петера Весселя Цапффе, английский математик и философ Альфред Н. Уайтхед и французский философ Анри Бергсон, которого он назвал первым экофилософом Европы. По просьбе Несса Квалой Зетренг организовал семинар «Природа и люди», в основном для студентов-философов. Озабоченная влиянием индустриализма на окружающую среду, социально активная группа заняла уникальную и радикальную позицию в общественно-политическом ландшафте Норвегии. «То, что мы отстаиваем, может показаться архиконсервативным и в то же время крайне радикальным, — заявил Квалой Зетренг. — Поэтому мы будем наносить удары в обоих направлениях, и нас будут атаковать со всех сторон».

Необходимость не только философствовать, но и действовать послужила толчком к созданию в 1969 году «Группы сотрудничества по сохранению природы и окружающей среды» (*Samarbeidsgruppene for natur- og miljøvern*), ключевой фигурой в которой стал Квалой Зетренг. Под влиянием идей Ганди политика группы была построена на принципах ненасилия. Она стремилась защитить реки от гидростроительства, и в 1970 году решила предпринять действия по защите находящейся под угрозой исчез-

новения реки у Мардалсфоссена. Этот водопад занимает четвертое место среди самых высоких водопадов мира. Летом 1970 года название «Мардалсфоссена» попало на первые полосы многих норвежских газет. Перед строительной дорогой был разбит лагерь, и ненасильственная акция продолжалась несколько недель. В августе демонстрация переросла в драматическую акцию гражданского неповиновения: более 150 протестующих блокировали строительную площадку. В конце концов демонстранты ушли добровольно или, как в случае с Квалоем Зетренгом и Нессом, были задержаны полицией. Несмотря на то что кампания за Мардалсфоссен была проиграна, из-за этой акции разгорелись дебаты о сохранении речных систем.

Весной 1969 года Квалой Зетренг вместе с Йоханом Галтунгом и Арне Нессом почти три недели путешествовал на машине из Осло в Институт Ганди и на конференцию мира в Варанаси, Индия. С тех пор он регулярно посещал Индию, Непал и Бутан, проводя исследования и занимаясь вопросами сотрудничества в области развития. Во время четырехмесячного пребывания в Ролвалинге (Непал) Зетренг стал приемным членом трех разных кланов шерпов и получил имя Церинг Дорджи.

С начала 1970-х годов Квалой Зетренг активно участвовал в борьбе против вступления Норвегии в Европейский союз. Он был членом правления организации «Нет ЕС» как на национальном уровне, так и в своем регионе. В 1973 году написал книгу *Økokrise, natur og menneske: En innføring i økofilosofi og økopolitikk* («Экокризис, природа и люди: Введение в экофилософию и экополитику»).

С самого детства Квалой Зетренг был заядлым любителем горных походов, и позже, повзрослев, стал опытным альпинистом, как и его учитель и близкий друг Арне Несс. Когда речь зашла о восхождении в Гималаях, он придерживался иного подхода, чем тот, который преобладал в большинстве альпинистских кругов. В 1971 году вместе с друзьями-альпинистами он отправился на эти горные массивы — в «паломничество», а не на «покорение», как они это называли, чтобы изучить общество шерпов в долине Ролвалинг в Непале, возле священной горы Церингма. Квалой Зетренг был настолько очарован мышлением шерпов, что это стало для него главным толчком к тому, чтобы стать буддистом. Позже он стал участвовать в акциях, направленных на предотвращение разрушения долины в результате массового туризма и наступления индустриального общества.

В 1974 году в поддержку требований исландцев о международном признании их 2000-километровой границы рыболовства Квалой Зетренг отправился на двух традиционных норвежских открытых парусных лодках в составе экспедиции из Норвегии в Исландию. После этого путешествия он в течение двух лет работал учителем в народной школе Агдера. Затем стал стипендиатом по экологическим исследованиям в Школе архитектуры и дизайна Осло с 1976 по 1980 год.

В конце 1970-х годов Квалой Зетренг участвовал в ожесточенной борьбе за защиту диких рек. Наибольшую известность, в том числе и на международном уровне, получила кампания по предотвращению запруды реки Алта (на самом севере Норвегии). В 1981 году полиция обрушилась на участников ненасильственной кампании, и вскоре после это-

го строительство гидроэлектростанции стало возможным без дальнейших препятствий.

В том же году Зигмунду досталась семейная ферма под названием Сатеренг, и он переехал туда. Его работа по-прежнему включала в себя поездки в несколько стран, работу над многочисленными проектами. В течение многих лет он читал лекции по экофилософии в университете Карлстада в Швеции и часто делился своими мыслями и идеями на международных встречах и конференциях.

В экофилософии Квалоя Зетренга чувствуется большое влияние буддизма. Этот тип мышления нелегко перенести на невосточные способы понимания. Неудачная коммуникация между континентами стала темой, которая интересовала Квалоя Зетренга. Ему предлагали должность профессора и в Университете Осло, и в Университете Тромсе, но он отказался. Он хотел управлять фермой Сатеренг и продолжать свою научную деятельность, насколько это возможно, опираясь на ферму.

В его мышлении ключевое значение имеют два противоположных понятия — «сложность» и «усложненность». Жизнь всегда идет своим чередом, она никогда не повторяется и всегда сложна. Машины, напротив, усложнены, проблематичны, но они никогда не становятся чем-то иным, чем были раньше. Природа сложна, она качественно разнообразна и представляет собой поток событий, который никогда не повторяется. Она в корне отличается от любой машинной структуры, потому что машины созданы человеком. Основная характеристика машин заключается в том, что мы можем запускать и контролировать их, и это именно тот элемент мира, который нам подвластен. Мы можем думать, что можем регулировать

природу подобным образом, но было бы лучше принять во внимание ее бесконечную изменчивость.

В последние годы Квалой Зетренг подчеркивал, что в долгосрочной перспективе жизнеспособным будет только *livsnødvendighetssamfunnet* («общество жизненных потребностей»), то есть общество, характеризующееся солидарностью, автономными малыми сообществами и производством только необходимых для жизни вещей. Противоположностью ему было бы конкурентоспособное индустриальное общество, которое мы имеем сейчас, характеризующееся индивидуальной конкуренцией и устойчивым экономическим и промышленным ростом. Многие из своих мыслей Квалой Зетренг изложил в книге 1976 года *Økokrise, natur og menneske* («Экокризис, природа и люди»). В многочисленных лекциях и публикациях он решительно предостерегал от экологического хаоса, к которому, по его мнению, приведет неограниченная свободная торговля.

В 1976 году международная сеть политиков и исследователей основала в Женеве Европейскую сеть экологических размышлений и действий (ECOROPA), активным членом которой с самого начала был Квалой Зетренг. ECOROPA внимательно следила за европейской экологической политикой и законодательством, процессом Рио по устойчивому развитию, а также за такими вопросами, как изменение климата, леса, сельского хозяйства, новые технологии, экологические и социальные последствия торговых соглашений.

В 1994 году, когда большинство жителей Норвегии проголосовало за выход из ЕС, Квалой Зетренг опубликовал брошюру *Naturens nei-Om EU, frihandel og økologisk kaos* («Природе нет: о Европейском сою-

зе, свободной торговле и экологическом хаосе»). Спустя более чем два десятилетия эта небольшая брошюра не утратила своей актуальности.

В первом десятилетии 2000-х годов Зигмунд Квалой Зетренг активно участвовал в общественных дебатах о климате и окружающей среде, а также проводил исследования по таким темам, как природа музыкальной импровизации, в Норвежском университете науки и технологий.

Квалой Зетренг постоянно пытался развивать свою экофилософию, одновременно продолжая работать на ферме. В 2001 году он опубликовал книгу *Mangfold og tid* («Разнообразие и время»). Зигмунд Квалой Зетренг скончался 27 мая 2014 года в возрасте 79 лет после продолжительной болезни.

Эспен: классическая фигура норвежской экофилософии¹

Примерно в одной трети обширного собрания традиционных норвежских сказок и легенд доминирует одна особая фигура — Эспен Аскелад. Странно, но в традициях соседних скандинавских стран — Швеции и Дании — этот необычный персонаж почти не встречается. Нет его и в немецком сборнике сказок братьев Гримм. До недавнего времени Эспен считался в некотором роде центральным символом «норвежскости» — персонажем, характеризующим норвежскую идентичность. Вместо того чтобы стремиться к внешнему миру, он сидит у камина, помещивая пепел и наблюдая за постоянно меняющимся пламенем. Его завораживает непостоянство и то, что он может инициировать процесс, но не может им управлять. Он узнает много полезного — если только будет внимателен и открыт ко всему, что происходит вокруг него в природе и в обществе. Он следует «проницательности пламени», когда покидает дом и отправляется в странствия, чтобы познать сложный и творческий процесс, которым является мир.

Вот пересказ одной из версий истории об Эспене.

¹ По мнению Зетренга, сказочный персонаж Эспен — это «классическая фигура норвежской экофилософии и экополитики». В своей интерпретации глубинного смысла этой истории, появившейся впервые в печати в 2007 году, Зетренг проводит параллели с процессным мышлением Ганди и размышлениями философа Анри Бергсона о происхождении смеха. Кроме того, он считает, что нынешние изменения в мировом климате могут вскоре изменить все приоритеты и вернуть Эспенов. — *Прим. пер.*

У Эспена есть два брата, Пер и Пол. Они живут в королевстве, где у короля беда: его дочь никогда не смеется и даже не улыбается. Поэтому король объявляет, что тот, кто сможет рассмешить ее, получит ее в жены и унаследует половину королевства. Пер и Пол тут же начинают готовиться для участия в конкурсе. Пер достигает мастерства в очень сложной форме военного марша; он необычно прихрамывает. Пол подражает священнику, который известен тем, что читает литургические мессы с головокружительной скоростью. Пол удваивает этот темп. Обычные люди сочли бы оба этих выступления одновременно впечатляющими и комичными. Но принцесса даже не улыбнулась. За свою жизнь при королевском дворе она видела слишком много полковых, хотя и красочных упражнений.

Эспен, напротив, не проявляет никакого интереса к этому состязанию. Он продолжает наблюдать за пламенем и размышляет о том, как незамысловато устроен мир. Но мать ругает его и уговаривает отправиться «на поиски карьеры» [моя интерпретация в терминах современного мира]. Устав от просьб матери, Эспен покидает дом и пускается к королевской обители. Но вместо того чтобы слепо стремиться к цели, он увлечен тем, что встречается на пути к ней. Мир оказывается фантастическим царством, полным новой информации. Это меняет первоначальную цель [если она существовала! Этот подход напоминает мне мышление Ганди: «Цель — это дорога, а дорога — это цель»].

В нашей истории Эспен на своем пути получает опыт, который Пер и Пол просто пропустили, будучи зацикленными на предначертанной точке в будущем — будущем как уже составленной карте. Для Эспена нет карты, а есть постоянно меняющаяся-

ся, сложная задача. Он подбирает предметы, которые для большинства людей — мелочь, вроде округлого камня или мертвой птицы, но для него они чудесны и имеют смысл [в одной из версий приключений Эспена они используются, чтобы ввести в заблуждение эрудицию принцессы]. Он делится своей скудной пищей с голодными стариками, беседует с ними и узнает вещи, которые расширяют его представление о возможностях мира — все то, что упустили Пер и Пол. Наконец он прибывает в замок короля — в поисках работы, а не соперничества. Ему везет, и он нанимается к главному повару носить дрова и воду. Он сразу же отправляется за водой к местному колодцу. Последний похож на пруд, и в нем плавает разноцветная блестящая рыба, которую никто раньше не замечал [опять же, в сказке подчеркивается, что Эспен внимательнее других].

Эспен старательно ловит рыбу в свое ведро и после рыбалки несет ее к повару. По пути он встречает женщину с золотым гусем. Они договариваются обменяться: дама получает рыбу, а Эспен — гуся. Но тут женщина обнаруживает, что с этим гусем происходит что-то странное. Если кто-то подойдет и дотронется до гуся, а хозяин гуся — в данном случае Эспен — крикнет: «Если хочешь соединиться, просто дотронься!», — то этот кто-то прилипнет к гусю, его рука словно приклеится к птице. Эспен, конечно, в восторге. Он пробует, и это срабатывает, и мало того, оказывается, что любой, кто прикасается к приклеившемуся к гусю, попадает в такую же ситуацию.

Первый случай — кузнец, который подбегает с клещами и кусает ими за спину женщину, привязанную к гусю (у него на нее старая обида). Эспен быстро реагирует, восклицая: «Если хочешь соединиться, просто дотронься!» И тут же кузнец прилипает свои-

ми клещами к женщине. По пути в королевский замок подобное происходит еще с несколькими людьми. Все они страдают из-за сложившейся ситуацией, с которой не могут совладать: они вынуждены идти вместе, будучи прикрепленными с одной стороны (спускаясь вниз по склону, под действием силы тяжести). Поэтому они спотыкаются, падают, встают и натываются друг на друга. Будучи представителями среды, воспитанной в ценностях порядках королевского двора, они никогда не сталкивались с подобными трудностями, отчего и начинается хаос.

Наконец они оказываются перед балконом замка, где стоит принцесса и наблюдает за представлением, что устроил Эспен. Видя, что члены ее свиты находятся в смятении, она смеется! Эспен показал ей искусственность полковой придворной жизни и ее несостоятельность при столкновении с реальной жизнью. Они заостенели, им не хватает эластичности, чтобы приспособиться к новым ритмам.

Моя интерпретация здесь вдохновлена французским философом-процессуалистом Анри Бергсоном. Название одной из его работ — «Смех». Его идея заключается в том, что мы склонны смеяться, наблюдая за теми, кто реагирует механически, поскольку время, как природа, требует ритмичной упругости. Бергсон считает, что это старая мера выживания. В новых ситуациях, требующих отказа от прежнего распорядка, смех над нашей неуклюжестью — сигнал к тому, чтобы расслабиться и встать в ритм, адаптированный к текущим требованиям — или, в более общем смысле, к ритмам природы. В этой истории об Эспене королевский двор представляет собой, как мы бы сказали сегодня, машиноподобную структуру, контрастирующую с природой как творческим процессом.

Эспен был героем норвежских детей на протяжении сотен лет. Почему у детей Дании и Швеции не было такой главной фигуры? Мое объяснение связано с историческими и политическими обстоятельствами. Норвегия была под пятой Дании в течение 400 лет вплоть до 1814 года, а затем еще 100 лет (до 1905 года) насильно удерживалась Швецией. Все это время, особенно при датском владычестве, большинство норвежцев жили в бедности, выживая только благодаря глубокому знанию природы, изобретательности и высокоразвитой способности к импровизации. Эти качества появились как ответ на насущные потребности в суровых, часто непредсказуемых природных условиях. (Мы видим, как те же качества развиваются у материально бедных людей в других частях света). Они (Эспены) видели ресурсы там, где датские владыки (Пер и Пол) просто шли вперед, игнорируя окружающую среду.

Следует также отметить, что в этот период большинство норвежцев были фермерами и рыбаками. Хотя норвежцы облагались большими налогами со стороны датских королей, у них были свои «эспенские» методы, и их дети учились выживать, попутно выслушивая истории о бедном крестьянском мальчике, который победил богатых и властных благодаря знанию природы и хитрости.

В отличие от норвежского сельского хозяйства, расположенного по горам и пробирающегося вдоль фьордов, датское и шведское производство продуктов питания происходило на обширных плодородных равнинах, что способствовало развитию феодализма. Большинство людей там попали в систему, равносильную рабству, где у любого метода, напоминающего подход Эспена, не было никаких шансов. Кроме того, обширная равнинная территория

Дании и южной Швеции давала феодалам возможность быстро охватить и подавить любое зарождающееся восстание среди зависимых. В то же время разительно отличалась скалистая Норвегия, предоставившая для восставших убежище.

Норвежская традиция ценить местную и национальную независимость, не доверять иностранному навязыванию порядков сохранилась среди большинства населения до сих пор. Иллюстрацией этого является то, что Норвегия сказала «нет» вступлению в Европейский союз (на двух референдумах, в 1972 и 1994 годах), в то время как Дания и Швеция сказали «да» и являются членами союза — лишено свободы, как считают многие норвежцы.

В 1960 году американский психиатр Герберт Гендин просматривал статистику, показывающую уровень самоубийств в разных странах. Он был удивлен, увидев огромную разницу между тремя скандинавскими странами: Дания занимала первое место в мире (вместе с Японией), Швеция шла неподалеку, а Норвегия находилась в самом конце. Реакция Гендина была такова: раз различия так велики, это должно означать базовые различия в культуре. Это мнение, конечно, противоречило общепринятому суждению, что три скандинавские нации более или менее разделяют одну и ту же культуру. Научное любопытство Гендина возросло настолько, что он отправился в Скандинавию и провел там четыре года, научившись говорить на шведском и норвежском языках, попутно занимаясь исследованиями. В 1964 году он опубликовал книгу «Самоубийство и Скандинавия». Если вкратце рассказать длинную и сложную историю, то главный вывод Гендина заключался в том, что дети в Дании и Швеции воспитывались в условиях жесткой регламентации и

стремления к карьере, что породило множество людей, неспособных соответствовать возложенным на них требованиям и поэтому считающих себя неудачниками. В отличие от этого, Гендин обнаружил, что в норвежских семьях такое давление было слабым. Детям разрешалось шалить и экспериментировать, принимать участие в фермерских и рыболовных работах — «учиться, смотря и участвуя», а не получая указания. В непринужденной обстановке у детей формировалась уверенность в себе, что позволяло избежать чувства неполноценности.

Интересно, что Гендин также обратил внимание на различия в историческом прошлом трех стран и, в связи с этим, на различия в том, какие истории рассказывают детям. Собственно, именно он заставил меня обратить внимание на преобладание сказок об Эспене в норвежской традиции, в отличие от датской и шведской. Герои датских и шведских сказок побеждают в состязаниях с помощью волшебства и чудес, в то время как норвежский Эспен побеждает благодаря поиску знаний и изобретательности. Иными словами, Эспен — идеальная модель, вдохновляющая на практическую и самостоятельную деятельность и вызывающая недоверие к высшим духам как помощникам в трудных ситуациях.

Гендин сравнивает различные реакции на немецкую оккупацию 1941–1945 гг. в скандинавских странах: датчане сдались, шведы защищали свой нейтралитет, а норвежские горы укрывали партизанское Сопротивление. Фактически, движение Сопротивления укрепило «эспенскую» идеологию. Эта идея также вдохновила на восстановление норвежской промышленности, сельского хозяйства и рыболовства в течение двух десятилетий после войны. Профессор Зигмунд Борган из Норвежского сельско-

хозяйственного университета показал, что удивительно быстрое восстановление норвежской промышленности после войны стало возможным благодаря рабочей силе, набранной из молодых людей, занимавшихся мелким сельским хозяйством и рыболовством. Эти люди разделяли «подход Эспена» и во многих случаях решали проблемы, предпочитая практически короткие пути, когда академически подготовленные инженеры застревают в теоретических рассуждениях. Однако эта молодежь участвовала в строительстве ловушки для себя и своих детей, как только норвежская промышленность достигла развитости и размеров, представляющих интерес на международных капиталистических рынках. Подчеркивая принцип «конкурируй или умри», экономическая структура Норвегии изменила свой характер. Сегодня мелкие фермы и рыбацкие деревушки утратили свою «рациональность», отчего происходит масштабная централизация и урбанизация. СМИ и школы проповедуют индивидуалистическую конкуренцию как путь в будущее. Мелкое фермерство и рыболовство заменяется туристической экономикой, где экзотический фольклор на заброшенных фермах занимает место производства продуктов питания, а компьютер вытесняет настоящие игры. Интересно отметить, что именно параллельно с этим развитием в Норвегии сильно вырос уровень самоубийств, являющийся одним из самых высоких в мире.

Однако менталитет Эспена все еще сохраняет. У нас по-прежнему большинство говорит «нет» вступлению в Европейский союз, и нынешние изменения в мировом климате могут вскоре изменить все приоритеты, вернув Эспенов обратно.

Повесть о двух странах²

Я ездил в Непал и Бутан в течение последних двадцати трех лет: шестнадцать раз в Непал и четыре раза в Бутан.

Изначально меня влекло желание увидеть эту фантастическую и священную гору шерпов, Церингму³, что означает «Мать долгой жизни». Считается, что она является обителью духа Матери-Земли.

В 1969 году я три дня просидел на горе неподалеку, просто глядя на этот великий пик. Тогда Церингма была непокоренной. Местные жители считали, что если кто-то поднимется на нее, то это будет грубейшим святотатством. По их традиции, Церингма будет защищать общину до тех пор, пока шерпы будут строго придерживаться норм ненасилия по отношению к ближним и к природе. Но для западных альпинистов такие разговоры были непонятны. Для них она была «последней проблемой Гималаев», побуждающей их соревноваться друг с другом, чтобы стать ее первыми покорителями, в то время как непальских чиновников больше интересовали западные деньги, чем традиционная культура. Узнав об этом, я попытался стать посредником между ме-

² С конца 1960-х годов Зетренг неоднократно посещал Непал и Бутан. Он часто брал с собой в Непал жену и маленьких детей, и отчасти благодаря этому ему удалось установить тесную связь с традиционными жителями Плужной долины, традиционной тибетской общиной. В этой статье, написанной в 1993 году, Зетренг рассказывает о своих безуспешных попытках защитить вершину священной горы Церингма от покорений. — *Прим. пер.*

³ Речь идет о горе Гауришанкар. — *Прим. пер.*

ственным сообществом и правительством Непала для того, чтобы остановить альпинистские экспедиции. Было сорок экспедиций, которые подали заявку на восхождение. Дважды мы ездили в Катманду с длинными списками отпечатков пальцев и петициями от имени местных жителей, прося правительство остановить альпинистов.

В конце концов мне пришлось уступить, потому что непальское правительство было заинтересовано только в том, чтобы заработать много денег. Их не интересовали бедные горные крестьяне и их религиозные чувства. Правительство зарабатывает гораздо больше денег на альпинистских экспедициях, чем на туризме. Вот в этом и заключается весь их мотив. В итоге американская экспедиция поднялась на гору с севера, с тибетской территории, оккупированной китайцами. Если бы Тибет еще сохранял свою независимость, американские покорители были бы остановлены. Следующей экспедицией была британская, опять же с севера. Затем взвод из семи австралийских командос и, наконец, японская группа. Две последние поднялись со стороны Непала.

Как и Церингма, долина у горы священна и является убежищем ненасилия, которое тибетцы и шерпы называют бе-юл (spas-yül). Увлекательно узнать, как возникли поселения в этой священной долине. Падмасамбхава, великий буддийский учитель, направляясь в Тибет 1200 лет назад, обогнул скалу и увидел эту удивительную гору. С глубоким благоговением он преклонился перед богиней гор. Поднявшись, он обратился к ней с мольбой дать защиту людям, следующим учению Будды.

Но Церингма ответила: «Я не хочу видеть в своих окрестностях никаких человеческих существ — они

начинают конфликты и разрушают природу... Я не хочу видеть их здесь». Падмасамбхава сказал: «Да, но некоторые из них пытаются отказаться от этого и следовать учениям Будды. Им нужно место, где они могли бы оставаться и быть преданными ненасилию, где они могли бы жить в мире и гармонии с природой, а вы могли бы защитить их». Это не слишком помогло, поскольку богиня не была буддисткой.

Тогда Падмасамбхава провел месяц или больше в глубокой медитации в пещере, направив всю свою духовную силу на обращение Церингмы в буддизм. В конце концов ему это удалось, и тут произошло странное событие. Вдруг Падмасамбхава увидел огромного яка с плугом. Буддийский учитель увеличился в размерах, ухватился за ручки и пробороздил склон горы: камни трескались и рассыпались, а за ним росли маленькие деревья, трава и цветы. Так образовалась долина, и поэтому она была названа Плужной бороздой. (Я избегаю тибетского названия, чтобы не привлекать туристов.)

Церингма на самом деле состоит из пяти вершин. Центральная — сама Церингма, затем две сестры побольше и две поменьше. Данная группа называется Церинг Ченга, что означает «Пять сестер Долголетия». Это похоже на мандалу, где центром силы является сама Церингма. Пять сестер — это женщины-Будды.

Через месяц после того, как американцы поднялись на гору, в долине Плужной борозды произошел гигантский оползень, запрудивший реку, а когда прорвало плотину, случилось наводнение, унесшее водяную мельницу с находившейся в ней женщиной, затем уничтожившее картофельные поля ниже по течению, изменив, в конечном счете, русло реки. Жители долины были уверены, что это знак того, что

договор с Церингмой нарушен и что горная богиня выражает свой гнев.

Моим главным интересом была тибетская культура, и эта долина была ближе всего из мест, куда я мог добраться. Более половины жителей Плужной борозды были тибетцами, и, конечно, шерпы тоже имеют тибетское происхождение. Это было совершенно традиционное тибетское общество. Я мечтал об этом всю свою жизнь: с тех пор как моя мать рассказывала мне истории о Тибете. Тибет был самым экзотическим местом, которое она могла себе представить.

Жители долины думали, что я доктор, потому что я привез с собой большой медицинский рюкзак, и уже на следующий день после моего прибытия они принесли женщину, которая два месяца назад споткнулась, отчего ее нога попала в горящий камин. Вы не представляете себе эту ногу! И запах! Наполовину гниющая, распухшая и черная от гангрены. Я спрашивал себя, что я могу сделать. Мне приходилось искать информацию в своей книге. Первую ночь я не мог ничего предпринять: мой желудок дрожал, это было так ужасно. В любом случае, я обязан был действовать: у нее был высокий жар, она умирала от этой инфекции. На следующий день я принялся за дело: начал с обмывания. Запах был настолько плох, что даже люди, стоящие за пределами дома, зажимали носы! Я начал кормить ее антибиотиками каждый день, и температура спала. Затем я решил вырезать мертвую плоть. Вместо восхождения на гору, я остался в деревне, чтобы продолжить лечение. Однажды она плакала, и я спросил у своего переводчика, почему — «неужели я причиняю ей боль?», — и он ответил, что ей не больно, но она плачет, потому что кто-то снова о ней заботится. Это

был очень трогательный опыт для меня, и я думаю, что он изменил мое отношение к людям.

Когда по прошествии трех месяцев я собирался уезжать, ко мне пришла делегация из деревни и попросила попытаться создать службу здравоохранения в этом районе. Восприняв это всерьез, я вернулся через два года с врачом, медсестрой (моей женой Кирстен), зоологом, ботаником и тремя моими детьми (экспертами по детским проблемам). В конце четырехмесячного пребывания я получил приглашение от пожилого мужчины, бывшего деревенским старостой и жрецом, и он спросил меня, не хотел бы я стать его рТоу. Мы используем тибетский термин, потому что это название для явления, которого нет в Европе. Инициация происходит через очень сложный ритуал. Она длилась всю ночь, и мы стали рТоу друг для друга.

рТоу означает, что мы объединены, что у нас есть общая собственность и совместные обязанности. Его дети — мои, а мои дети — его: мы относимся к этому очень серьезно, как к кровному родству. Его жена как моя сестра, поэтому я называю ее рТо-мо, и все мои новые дети называют меня АпрТоу. Ап означает отец. Я же называю мальчиков Пурзжунг — «сын», а девочек Помо — «дочь», а их детей зову Нати — «внук». Нати называют меня Гага — «дедушка». Затем две мои дочери Кирсти и Фрейдис были приглашены стать сестрами двумя другими семьями, принадлежащими к разным кланам. Позже такую инициацию прошел и мой сын.

Есть некоторые символические вещи, которые вы делаете, чтобы сформировать эту связь. Например, у вас есть поднос с какими-то предметами, и вы передаете его другому человеку, а он возвращает его

вам: это символизирует то, что с этого дня у нас все имущество будет общее. И они действительно это имеют в виду. Например, если я приеду в деревню моего рТоу и спрошу, могу ли я где-нибудь переночевать, община выразит огромное удивление и напомним мне, что у меня есть собственный дом, имея в виду дом моего приобретенного родственника; следовательно, я должен просто пойти туда. И это работает в обе стороны. Я заметил, что когда мои родственники-шерпы приезжали на мою ферму, они относились к ней так, как будто это их дом, поэтому их было очень легко принимать как гостей. Это стало мостом в эту общину и в тибетскую культуру.

Мы хотели изучить потребности людей и на этой основе создать центр здравоохранения и школу для медработников в старом буддийском монастыре, чтобы это не выглядело как западное предприятие. Мы желали интегрировать их старую традиционную медицину. Я, моя жена и некоторые планировщики работали над этим много лет.

После бесчисленных встреч с правительственными чиновниками на протяжении многих лет я, наконец, был вынужден отказаться от своего проекта. Они дали бы мне разрешение только в том случае, если бы я мог гарантировать поступление большого количества денег из Норвегии, которыми они могли бы распорядиться. А норвежские финансовые учреждения не дали бы никаких гарантий, не получив разрешения от Непала.

В первый раз, когда приехали мои дети, моему сыну было пять с половиной, а моим дочерям-близняшкам — десять. Если вы хотите узнать другую культуру, привозите своих маленьких детей, потому что они сразу же входят в семьи и начинают

общаться. Их легко принимают. Их приветствовали в любом доме, а мой маленький сын ходил с мальчишками-шерпами в горы, чтобы приводить телят, собирать кустарники для хранения картофеля, спускать вещи вниз, и делал все, что они делали. Постепенно возникла сильная связь с общиной.

Это общество, где ремесла, верховая езда, декоративное и крестьянское искусство, песня и танец имеют очень высокий художественный уровень. Его члены чрезвычайно ориентированы на сообщество. Они используют любые поводы, чтобы собраться вместе и что-нибудь отпраздновать. Они уделяют этому много времени и получают огромное удовольствие. И это несмотря на то, что у них скудная ресурсная база и экономика, требующая тяжелого труда. Они живут по правилам, которые защищают природу. Если происходит кризис, например снежная лавина, муссон, наводнение или пожар, немедленно, без необходимости созывать собрание, люди собираются под руководством, отличным от того, которое действует в обычное время. Новыми лидерами становятся те, кто имеет наилучшие способности для разрешения сложившейся ситуацией. Также мало различий в значимости между мужчинами и женщинами. Многие фермы или отдельные поля принадлежат женщинам.

К сожалению, существует опасность, что в Плужной борозде произойдет то же самое, что произошло в Кхумбу, области к югу от Эвереста, где местное население было где-то больше, где-то меньше колонизировано туристической индустрией и альпинистами. Пока что в Плужной борозде намерены этому сопротивляться. Кстати, мы не должны говорить «гора Эверест». Название горы, данное мест-

ными жителями сотни лет назад, — Джомолунгма, Святая Мать Ветров.

Сэр Эдмунд Хиллари и шерпа Тенцинг вместе покорили Джомолунгму. Я встретил их обоих. Я поссорился с Хиллари, потому что в какой-то момент он возглавлял группу альпинистов, которые хотели подняться на Церингму. Он не верил, что местные жители против таких экспедиций. Он не настолько близок к этой культуре, как о нем говорят. После того как он поднялся и преуспел, он был очень благодарен шерпам, потому что без них ничего бы не получилось. Хиллари хотел как-нибудь отблагодарить их и быстро решил, что этим людям нужны школы. После того как школы были построены, как и в других местах Непала, государственные власти взяли их под свой контроль. Они хотели использовать их для того, чтобы гомогенизировать этнически разнообразные общины страны. Поэтому они используют школы Хиллари для того, чтобы учить детей-шерпов индуистским обычаям, непальскому языку, а также английскому и математике, чтобы они могли обслуживать туристов и приносить туристическую валюту стране.

В этих школах не дают знаний о культуре шерпов-тибетцев и о их собственном, 1200-летнем письменном языке, который, конечно же, является классическим тибетским. Большинство детей-шерпов, выросших в Катманду, где проживает большая община шерпов, не знают ни слова на своем языке. Если вы выходите из самолета в Лукле, на маленькой посадочной полосе на горном склоне в нижней части Кхумбу, вас встречает целая группа молодых людей, говорящих на «английском языке школы Хиллари», чтобы обслуживать вас. За эти годы они полностью

интегрировались в туристическую экономику. Большинство молодых жителей этого района больше не знают, как управлять своей фермой. В 60-х и 70-х годах некоторые экспедиции на Эверест были чрезвычайно большими (американцы использовали 1200 проводников): в самые тяжелые десять лет своими кострами они сожгли 60 % лесов в центральной долине Кхумбу. Последовала эрозия. В долине была разрушена сельскохозяйственная экономика, и люди там стали зависеть от туризма. Но туризм — это очень нестабильный способ заработка. Каждый раз, когда на Западе наступает экономический спад, туристы не едут. Они экономят деньги и остаются дома: вместо гор они пару лет участвуют в гребле на Темзе. Таким образом, возникает катастрофическая ситуация для жителей высокогорий, зависящих от туризма.

В Плужной борозде ничего подобного не произошло, но я знаю, что молодые люди оттуда теперь более востребованы альпинистами, «потому что они еще не испорчены», что означает, что они не просят денег за любую мелочь или за помощь кому-то в беде. Альпинисты переходят из одной области в другую, портят людей, а затем ищут свежий человеческий материал, который еще не испорчен, как шерпы из Плужной борозды.

Но Бутан — это совершенно другая история. Они умеют контролировать туризм и сохранять свою культуру. У них очень строгий контроль на границах, и они называют Непал негативным примером. Каждый раз, когда я разговариваю с ними, они напоминают себе о необходимости учиться на примере Непала и об опасности предоставления свободного доступа туристам, западным планировщикам и западным технологиям: они хотят быть очень осто-

рожными. Но в начале 60-х годов Бутан стал членом ООН, чтобы заявить о себе на международной арене как о независимой нации, и затем почти автоматически стал членом различных учреждений развития и экономических институтов, функционирующих в системе ООН, таких как Всемирная организация здравоохранения и сельскохозяйственные организации. Население Тхимпху, который является столицей Бутана, выросло за двенадцать лет с 10 000 до 20 000 человек; это единственный город, можно сказать, во всем Бутане.

Очень важно, что бутанцы хотят сохранить свою идентичность. Именно поэтому они очень ограничивают туризм. В то же время они хотят зарабатывать иностранную валюту, поэтому верхний предел для количества туристов в год составляет 5000 человек. Я никогда не слышал, чтобы они достигли этого числа, потому что велики ограничения. В прошлом году было всего 3000 человек, и только четверть из них была допущена в центр страны и не дальше, притом они обязаны были приезжать группами. Туристы должны платить 250 \$ в день независимо от того, что они делают. Таким образом, туризм контролируется. Бутан развивается осторожно; он не идет слишком далеко, не идет слишком быстро. Он ищет модель развития, являющуюся не западной, а буддийской и бутанской.

Проектировщики Бутана заинтересованы в сочетании экологии, буддизма и бутанской традиции. Они знают, что не могут оставаться такими же — это невозможно; но они стараются привнести как можно больше своих традиций в школы. Они строят их по всей стране, где преподавание ведется на старом бутанском языке дзонг-кэ. И, конечно, они тратят

много денег на содержание монастырей, построенных в особом и впечатляющем бутанском стиле архитектуры. Самые грандиозные из них называются дзонгами, монастырями-крепостями. В каждой из основных долин, ведущих с Гималаев в страну, есть по крайней мере один большой дзонг. Самые крупные из них имеют длину комплекса зданий до 200–300 метров, построенные на отрогах с видом на долины. Традиционные бутанские строители избегают математической симметрии — монастыри строились без архитекторов или чертежей, группами людей под руководством мастера-строителя, элементы обсуждались по мере их возведения. Даже самые большие дзонги напоминают органические выросты в ландшафте — естественную органическую форму: различные части установлены под разными углами, и они как бы слиты друг с другом. Мы могли бы поговорить о здании, которое впечатлило меня больше всего, — о Такцанг-лакханг в Паро. Оно имеет форму раковины улитки — ни одно окно не находится на одной прямой линии. Прибыв туда однажды из ужасных цементных плит «развивающегося» Катманду, я подошел, прикоснулся к зданию и заплакал, потому что это все еще живая, органическая традиция; она прошла тысячи лет постепенных, тщательных корректировок, чтобы достичь этой исполненной идентичности. И функция здесь красивая, и ее красота функциональна.

Почти все бутанцы — фермеры, скотоводы и ремесленники. Фермеры по совместительству являются и ремесленниками; они кузнецы, резчики по дереву, ткачи и строители; они не то, что мы думаем о фермерах в современном мире. Они совмещают в себе все, в том числе и заботу о развитом

сельском хозяйстве. В нижних частях Бутана они выращивают на террасах рис; выше — пшеницу и кукурузу, ячмень, картофель и разнообразные овощи; имеется у них и скот. В более высоких районах используются яки. Большинство из жителей не охотятся; они буддисты, поэтому у них присутствует отвращение к убийству.

Бутан — это «просвещенная» монархия. Король — довольно молодой человек. Он очень увлечен экологическими, культурными и традиционными бутанскими ценностями, и в то же время движется к демократии. В отличие от Непала, он хочет, чтобы Бутан был свободен от коммерциализации, туризма и индустриализации в любой форме, подрывающей идентичность нации, стремясь при этом быть активным членом международного сообщества. 63 % страны покрыты лесами, и большая часть из них не тронута человеческой рукой. Леса поднимаются с 200 или 300 метров на равнине Брахмапутры до гор высотой 7000 метров. В них есть всё — от диких слонов, носорогов и тигров до медведей и снежных барсов. Бутан — одно из последних по-настоящему зеленых мест в мире с разнообразной, пышной природой; одна из немногих национальных территорий, возможно, единственная, где ведется скоординированная работа по сохранению идентичности, не связанной с Западом. Поэтому действительно важно оказать бутанцам сильную поддержку, но не в форме туризма и механистического развития. Мы должны заботиться и быть критичными к тому, каких именно западных экспертов туда отправляют.

Во время моего последнего путешествия я отправился в пограничную часть страны на востоке. Я побывал на севере и на юге и провел одиннадцать

дней в одной деревне высоко в горах — встретил людей, которые ведут себя и думают очень похоже на традиционных шерпов Непала во время моих первых визитов двадцать лет назад, до начала туризма. В довершение ко всему я обнаружил, что даже богиня Церингма почитается по всему восточному Бутану. Ее либо прямо называют Церингма, либо другим именем, связанным с местной горой, например, Са'н Лхамо — «Священная Мать Земли»; и в нескольких храмах пять сестер Долголетия представлены в виде красивых скульптур. В Бутане Церингма живет!

Думаю, первый раз, когда я поехал в Непал, я тоже был туристом; но позже — нет. Турист едет за развлечениями, за мимолетными удовольствиями, требует удобства, отели, тогда как настоящий путешественник едет учиться, распознавать, участвовать. Современные западные туристы склонны разрушать традиционные культуры. В настоящее время, учитывая, как сложились события в моей собственной жизни, мое главное беспокойство — это поддержка Бутана в его усилиях оставаться независимым от туризма и сохранять свою идентичность. Возможно, поэтому я и приветствую их. Я благодарен, что бутанцы не рассматривают меня как туриста или «разработчика», и признателен за то, что они позволяют мне учиться.